

активность объекта (при контроле) и применять общий тезаурус. Считается, что успешный диалог должен определяться условием общей тематической направленностью и двусторонним характером. Вероятно, в качестве примера использования диалога в политической сфере, как манипулятивной технологии, можно привести проведение политическими партиями предварительного партийного голосования (праймериз) или референдума. Так, избирательный список политической партии «Единая Россия» формируется при активном участии Общероссийского народного фронта, созданного по инициативе лидера Партии, председателя правительства РФ – Владимира Путина. Более двухсот тысяч выборщиков (члены партии Единая Россия и члены общественных организаций вступивших в «народный фронт») по всей России отбирали тех, кто, по их мнению, достойны стать депутатами Государственной Думы 2011 года, путем заслушивания кандидатов на встречах и голосования. Таким образом, в списки кандидатов должны были попасть те, кто занял по итогам народного голосования наивысшие позиции в рейтинге. Однако по партийному уставу лидер «единороссов» вправе внести в список свои коррективы. «Это право лидера и такая возможность у него есть», – подтвердил исполняющий полномочия секретаря Президиума Генсовета Партии Сергей Неверов» [5]. Таким образом, диалоговая техника ограниченного манипулирования позволяет начать предвыборную кампанию на несколько месяцев раньше, чем это возможно в официально разрешенные сроки предвыборной кампании. Люди ходят на встречи, задают вопросы, но окончательный список тех, кого выдвинет партия на выборы, корректирует лидер партии (субъект манипу-

лирования) и он (итоговый список кандидатов) может отличаться от рейтинга составленного выборщиками.

Так, при характеристике диалога важно все время иметь в виду, что его ведут между собой личности, обладающие определенными намерениями, т.е. диалог представляет собой активный, двусторонний характер, и предполагает взаимодействие. Ограниченнное манипулирование, как было сказано ранее, может быть в форме диалога, но и в этом случае манипулятор может применять «сократовский» метод ведения диалога или же искусственно поддерживать активность и интерес для достижения цели.

Часто в рамках ограниченного манипулирования диалог приводит к социальным конвенциям. Внутри властных структур конвенционные отношения и деятельность политика-манипулятора должны быть публичными. «Обещания политика своим избирателям взамен их голосов на выборах, наверное, тоже конвенция, но опять – таки имеющая свои особенности. Часто отношения политика с собственным избирателем имеют манипулятивный характер...» [6, с. 215]. Вероятно, ограниченное манипулирование, может принести пользу обеим сторонам процесса.

В современном обществе, все больше приобретающем характер информационного, объект манипулирования рассматривается как личность, обладающая ресурсами и способная к манипуляции, поэтому такая личность представляет для манипулятора опасность. Отметим, что в ситуации, когда все социальные субъекты имплицитно опасны и являются потенциальными манипуляторами, взаимодействие становится напряженным, а доверие снижается.

Библиографический список

1. Шейнов, В.П. Психология влияния: скрытое управление, манипулирование и защита от них. – М., 2008.
2. Шостром, Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. – Минск; М., 1992.
3. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений: Люди, которые играют в игры. – СПб., 1992 [Э/п]. – Р/д: http://84.237.118.2/cgi-bin/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=CAT&P21DBN=CAT&S21STN=1&S21REF=1&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=
4. Социальная психология в вопросах и ответах: учеб. пособие / под ред. В.А. Лабунской. – М., 1999.
5. ВПП «Единая Россия» // «Единая Россия» и ОНФ завершают процедуру праймериз [Э/п]. – Р/д: <http://er.ru/news/2011/8/25/edinaya-rossiya-i-onf-zavershayut-proceduru-prajmeriz/>
6. Осьмук, Л.А. Взаимодействие социальных миров. К проблеме конвенциональных отношений. – Новосибирск, 2004.

Bibliography

1. Sheyjnov, V.P. Psikhologiya vliyaniya: skrihtoe upravlenie, manipulirovaniye i zathita ot nikh. – M., 2008.
2. Shostrom, Eh. Anti-Karnegi, ili Chelovek-manipulyator. – Minsk; M., 1992.
3. Bern, Eh. Igrih, v kotoriye igrayut lyudi. Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnosheniy; Lyudi, kotoriye igrayut v igrih. – SPb., 1992 [Eh/r]. – R/d: http://84.237.118.2/cgi-bin/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=CAT&P21DBN=CAT&S21STN=1&S21REF=1&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=
4. Socialjnaya psikhologiya v voprosakh i otvetakh: ucheb. posobie / pod red. V.A. Labunskoy. – M., 1999.
5. VPP «Edinaya Rossiya» // «Edinaya Rossiya» i ONF zavershayut proceduru praymeriz [Eh/r]. – R/d: <http://er.ru/news/2011/8/25/edinaya-rossiya-i-onf-zavershayut-proceduru-prajmeriz/>
6. Osymuk, L.A. Vzaimodeyjstvie socialjnihkh mirov. K probleme konvencionnalnihkh otnosheniy. – Novosibirsk, 2004.

Статья поступила в редакцию 11.02.13

УДК 316.334.2

Kataev D.V. THE SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS OF ECONOMIC ACTION IN SOCIOLOGY OF MAX WEBER.

The article deals with the problem of correlating economic action to the social structure in terms of Max Weber. Analyzed the importance and place of rational action in the socio-cultural context for the emergence of capitalism, the possibility of cultural and comparative analysis of diffusion processes at this stage.

Key words: economic action, rationality, capitalism, institutionalism, economic sociology, social and cultural prerequisites, methodology, macro and microsociology.

Д.В. Катаев, канд. социол. наук доц. каф. социологии факультета информационных и социальных технологий Липецкого гос. педагогического университета, г. Липецк, E-mail: dmitrikataev@rambler.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА

В статье рассмотрена проблема соотнесения экономического действия с социальной структурой с точки зрения Макса Вебера. Проанализированы значение и место рационального действия в социокультурном контексте для возникновения капитализма, возможности культурно-сравнительного анализа диффузионных процессов на современном этапе.

Ключевые слова: экономическое действие, рациональность, капитализм, институционализм, экономическая социология, социокультурные предпосылки, методология, макро и микросоциология.

В своей известной статье о «включенности» и «укорененности» экономического действия в социальной структуре [1], известный экономист Мари Грановеттер полемизирует с тезисом Поланы [2] об отделении и автономии экономической сферы от религиозных, социальных и политических институтов вследствие процесса модернизации. При этом, рассматривая современные теоретические проблемы экономической социологии, он критикует классические и неоклассические теории, обращая внимание на то, что человек в них представлен либо как «недосоциализированная» (акторы преследуют утилитарные цели и следуют эгоистическим интересам), либо как «прересоциализированная» (социокультурные модели поведения интериоризированы индивидом) личность. И в том и в другом случае игнорируются социокультурные факторы, влияющие на личность в рамках экономических отношений или же подчеркивается их незначительная роль. Автор подчеркивает, что на современном этапе развития экономической социологии необходим с одной стороны компромисс между пересоциализированным подходом, предполагающим существование обобщенной морали (Парсоновская социология), и недосоциализированным подходом (методологический индивидуализм), указывающим на бесполезные, институциональные образования [1, р. 510]. Решение автор видит, с одной стороны, в концепции укорененности экономического действия, с другой – в необходимости учитывать характеристики определенной социальной структуры.

Одним из способов такого теоретического осмыслиения экономического действия может быть веберовская парадигма экономической социологии. С точки зрения преодоления противоречия между рациональными моделями экономического действия и теориями абсолютизирующие роль институциональных образований в экономике, веберовская исследовательская программа способна разрешить определенный круг вопросов, которые вызывают теоретические затруднения и у парадигм «рационального выбора», и у последователей структурно-функционального анализа в экономической социологии. К таким теоретическим аспектам можно отнести, во-первых, проблемы социокультурной обусловленности экономического действия на этапе возникновения западноевропейского капитализма, во-вторых, проблему дуализма социального действия и социальной структуры, наиболее остро обозначившейся в экономической социологии, в-третьих, проблема объяснения диффузионных условий капиталистического хозяйства под углом зрения культурно-сравнительного анализа типов экономического действия в условиях глобализации экономики.

В веберовских экономических работах вопрос о возникновении, развитии и особенностях западноевропейского капитализма находится в центре его исследовательского интереса. Постановка проблемы связана как со структурными (институциональными и организационными), так и с культурными условиями и предпосылками рационального экономического действия. Идеальные или культурные основы экономического рационального действия Вебер исследует в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [3]. Вольфганг Шлюхтер [4] в данной связи справедливо отмечает, что в данном случае речь идет исключительно о стадии возникновения западноевропейского, рационального капитализма, и в этом проявляется его специфическое отличие от традиционного и политического, которые существовали во все эпохи согласно типологической стекограмме капиталистического хозяйства в основном труде немецкого ученого [5].

Веберовская модель объяснения при этом не ограничивается экономической интерпретацией исторических факторов, а включает в себя аспекты экономической теории действия и институтов. Внутренние, исключительно экономические мотивы, такие как крайняя полезность, не достаточны, с точки зрения Вебера, для объяснения возникновения западноевропейского капитализма. Внутренняя религиозная мотивация (внекономические факторы) как убедительно показывает в своем исследовании протестантской этики Макс Вебер, оказала не меньшее влияние на возникновение западноевропейского капитализма, чем, к примеру, экономические условия: создание стабильного массового рынка для населения, наличие свободного рынка товаров, услуг, фондового рынка, отделение домашнего производства от предприятия [5, с. 126, 220-221, 266, 268].

Томас Швин в данной связи подчеркивает, что в веберовской социологии рациональный тип хозяйствования (капитализм), возникнув в лоне протестантизма, постепенно обособляется и формирует собственную ценностную систему [6, с. 334]. Однако остается неясным, каким образом происходит вытеснение религиозных ценностей и каким образом происходит формирование собственной ценностной сферы. Сама же парадигма

объяснения экономического действия, в которой помимо институциональных и структурных условий, должны также учитываться идеальные (культурные) основания мотивации, остается актуальной не только в экономической теории, но и в экономической социологии. Веберовская модель объяснения экономических феноменов, таким образом, как развивает эту идею В. Шлюхтер, включает в себя не только экономические, но и культурные, организационные, социальные и институциональные взаимосвязи [7, с. 62].

В социологии религии Макс Вебер посвящает отдельную тему для рассмотрения западноевропейского капитализма. С одной стороны, модель объяснения культурных феноменов немецкого ученого, как считает Швин, во многом имеет черты дифференцированной теории и направлена против системных концепций [8], с другой, - веберовский подход можно рассматривать как социологическую программу интегрированной теории ценностных сфер (культура), социального порядка (структура) и образа жизни (действия), которые имеют свою эмпирическую экспликацию [7, с. 70]. Взаимодействие между сферами на различных уровнях может быть противоречивым, функциональным или же индифферентным.

Рассмотрение экономики в качестве особой ценностной сферы, позволяет раскрыть не только внешние целе-рациональные детерминанты экономического действия, как, например, рыночная целесообразность, но и внутренние ценностно-рациональные мотивы, обусловленные самой экономической сферой, как ценность труда и его вознаграждение. Такое действие обусловлено не столько внешними религиозными ценностями, сколько собственно экономическими.

На сегодняшний день, когда рациональный капитализм уже институционализирован, является актуальным вопрос не только о внеэкономической обусловленности экономического действия рациональным правом, наукой или религией, но и о внутренней ценностной детерминанте, связанной с культурной репродукцией и изменением экономической сферы. Веберовский подход включает с одной стороны анализ экономики как обособленной сферы действия, с другой анализ взаимосвязи с другими сферами и таким образом процессы дифференциации и интеграции экономической сферы представляются равнозначными и взаимообусловленными процессами. Так, например, возникновение и функционирование свободного рыночного хозяйства было бы немыслимым без включения системы рационального права [5, с. 504-505].

В этом контексте актуальными для современной теоретической и экономической социологии являются не методологические работы Макса Вебера и его концепция культуры, но и его историко-сравнительный подход к исследованию экономических явлений и процессов. Так, например, Артур Стинчкомб в статье «Предпосылки мирового капитализма: обновленный Вебер» [9] анализирует предпосылки возникновения капитализма, представленные в работах Вебера, с точки зрения глобализационных процессов в экономике и становления нового типа «мирового капитализма». Речь идет не столько о самих предпосылках возникновения капитализма (точка зрения большинства исследователей глобализации мало отличается от веберовской трактовки), сколько о диффузионных процессах, обусловленных западноевропейским рационализмом в условиях глобализации мировой экономики.

Как отмечает Томас Швин, в работах Вебера прослеживается разграничение диффузионных условий и условий возникновения западноевропейского капитализма [10]. С точки зрения актуализации экономической социологии Вебера, фокус исследования смещается с анализа предпосылок возникновения западноевропейского капитализма как особенного типа и обособления экономической сферы, в сторону исследования условий диффузии, овладения и воспроизводства уже возникнувшего и утвердившегося в западных странах предпринимательского капитализма. Так, например, в исследованиях хозяйственной этики мировых религий Вебер рассматривает различные формы овладения рационального капитализма. Веберовский подход к анализу экономических явлений, таким образом, интегрирует структурно-теоретическую концепцию действия со спецификой культурно-исторических типов.

Известный представитель интегративной социологии [11] и теории рационального выбора [12] Хартмут Эссер предпринял попытку в этом направлении в рамках преодоления и на данный момент существующего противоречия между микро- и макротеориями в социологии. Проблема, которая затрагивается немецким ученым, с одной стороны, эксплицитно соотносится с рассмотренной выше проблемой интеграции и дифференциации экономического действия, с другой стороны, Эссер

имплицитно стремится развить теорию целерационального действия в традициях методологического индивидуализма (что является поводом оправданной критики со стороны веберовских интерпретаторов, однако это не входит в предмет нашего рассмотрения) сформулированного Вебером в «Основных социологических понятиях». При объяснении индивидуального действия следует учитывать «три элемента ситуации: материальная ограниченность ресурсов, институциональные нормы и культурные условия» [13]. Микросоциология при этом неспособна в полной мере раскрыть социокультурный смысл социальных феноменов, в то время как микросоциология не объясняет, каким образом общество возникает как объективная реальность и зачатую противостоит актору.

Для решения этой проблемы Эссер обращается к ситуационной логике Поппера. Изменение социальных феноменов на макроуровне объясняется изменениями поведения индивидов. Такое объяснение происходит в три этапа: логика ситуации, логика селекции и логика агрегации.

Концепции Эссера выглядит достаточно убедительно в рамках разрешения аналитического противоречия микро и макро уровней, однако при условии исключительно рациональной ориентации действующих. Основной недостаток его концепции большинство критиков [11, с. 559] видят в нивелировании интерпретационного потенциала объяснения социальных явлений, который предлагает типология действия Макса Вебера. Так, например, его концепция не позволяет объяснить традиционное и ценностно-рациональное действие, которое выступает как заданное в социокультурном контексте.

В большем степени продуктивным применением теории действия Макса Вебера, которая сочетает и логику действия, и социокультурную типологию, представляется исследование

Ю.Н. Давыдова. Отечественный интерпретатор анализирует социально-экономические процессы в России с опорой на веберовский историко-эмпирический подход, включающий в себя следующие методологические принципы: 1) анализ смысловых взаимосвязей для акторов, включающий исследование мотивационную взаимосвязь с последующей интерпретацией ситуационных условий для действующего происходит в рамках анализа условий формирования этики труда в России в дореволюционный, советский и постсоветский периоды [14]; 2) понимание смысла действующих акторов (индивидуов и социальных образований) в качестве социолога (анализ понятий и уточнение идеальных типов и их причинной взаимосвязи) и в качестве историка (применение теории: от теории к социальной реальности), объяснение причинной взаимосвязи конкретного события. С опорой на дилемму формальной и материальной рациональности, отечественный интерпретатор анализирует и уточняет два идеальных типа капитализма с соответствующими типами этики, обращая внимание как на необходимость формирования социокультурных и экономических структур для формирования рационального, а не спекулятивно-разбойничего капитализма, так и осененного типа этики ответственности.

Таким образом, веберовская исследовательская программа представляется актуальной и на современном этапе развития экономической социологии. С одной стороны, веберовская методология может являться одним из путей разрешения проблемы сочетания микро и макроуровней как в рамках теоретической социологии так и в рамках отраслевых социологий. С другой стороны - веберовская методология раскрывает возможности для социально-исторического анализа социокультурных компонент экономического действия.

Библиографический список

1. Granovetter, M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // Granovetter, Mark / Swedberg, Richard. The Sociology of Economic Life. - Boulder, 2001.
2. Polanyi, K. The great transformation: The political and economic origins of our time. -Boston, 2001.
3. Weber, M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. – Mюnchen, 2010.
4. Schluchter, W. Asketischer Protestantismus und der Geist des modernen Kapitalismus. Tübingen, 2005.
5. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft: GrundriЯ der verstehenden Soziologie / Max Weber. Besorgt von Johannes Winckelmann. – 5., rev. Aufl., Studienausg, Tübingen, 1980.
6. Schwinn, T. Wertsphaeren, Lebensordnungen und Lebensfuehrung / Agathe Bienfait and Gerhard Wagner // Verantwortliches Handeln in gesellschaftlichen Ordnungen. - Frankfurt, 1998.
7. Schluchter, W. Handlung, Ordnung und Kultur: Studien zu einem Forschungsprogramm im Anschluss an Max Weber. Tübingen, 2005.
8. Stinchcombe, A. L. The Preconditions of World Capitalism: Weber Updated // The Journal of Political Philosophy. – 2003. - № 11(4).
9. Schwinn, T. Differenzierung ohne Gesellschaft. Umstellung eines soziologischen Konzepts. - Goettingen, 2001.
10. Schwinn, T. Von historischen Entstehung zur aktuellen Ausbreitung der Moderne. Max Webers Soziologie im 21 Jahrhundert // Berl. J. Soziol. – 2004.
11. Greshof, R., Schimank, U. (Hrsg.)Integrative Sozialtheorie? Esser - Luhmann – Weber. – Wisbaden, 2006.
12. Романовский, Н.В. Мультипарадигмальная социология - auf Wiedersehen? // Социс. Социологические исследования: научный и общественно-политический журнал. –2005. – № 12.
13. Esser, H. Soziologie – Spezielle Grundlagen, Band 6: Sinn und Kultur. – Frankfurt a. - M., 2001.
14. Давыдов, Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. – M., 1998.

Bibliography

1. Granovetter, M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // Granovetter, Mark / Swedberg, Richard. The Sociology of Economic Life. - Boulder, 2001.
2. Polanyi, K. The great transformation: The political and economic origins of our time. -Boston, 2001.
3. Weber, M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. – Mюnchen, 2010.
4. Schluchter, W. Asketischer Protestantismus und der Geist des modernen Kapitalismus. Tübingen, 2005.
5. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft: GrundriЯ der verstehenden Soziologie / Max Weber. Besorgt von Johannes Winckelmann. – 5., rev. Aufl., Studienausg, Tübingen, 1980.
6. Schwinn, T. Wertsphaeren, Lebensordnungen und Lebensfuehrung / Agathe Bienfait and Gerhard Wagner // Verantwortliches Handeln in gesellschaftlichen Ordnungen. - Frankfurt, 1998.
7. Schluchter, W. Handlung, Ordnung und Kultur: Studien zu einem Forschungsprogramm im Anschluss an Max Weber. Tübingen, 2005.
8. Stinchcombe, A. L. The Preconditions of World Capitalism: Weber Updated // The Journal of Political Philosophy. – 2003. - № 11(4).
9. Schwinn, T. Differenzierung ohne Gesellschaft. Umstellung eines soziologischen Konzepts. - Goettingen, 2001.
10. Schwinn, T. Von historischen Entstehung zur aktuellen Ausbreitung der Moderne. Max Webers Soziologie im 21 Jahrhundert // Berl. J. Soziol. – 2004.
11. Greshof, R., Schimank, U. (Hrsg.)Integrative Sozialtheorie? Esser - Luhmann – Weber. – Wisbaden, 2006.
12. Romanovskij, N.V. Mulytiparadigmajnaya sociologija - auf Wiedersehen? // Socis. Sociologicheskie issledovaniya: nauchniy i obhestvenno-politicheskiy zhurnal. –2005. – № 12.
13. Esser, H. Soziologie – Spezielle Grundlagen, Band 6: Sinn und Kultur. – Frankfurt a. - M., 2001.
14. Davihdov, Yu.N. Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sociologiya: aktualnihe problemih veberovskogo sociologicheskogo ucheniya. – M., 1998.

Статья поступила в редакцию 31.03.13